

Оригинальная статья

УДК 930+94(410)"1640/1660"

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.32-42>**Английская революция XVII века на страницах «Социологии революции» П.А. Сорокина****В.С. Русанова***vera.petrashun@yandex.ru**Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар, 167001, Россия***Аннотация**

В настоящей статье представлен взгляд российско-американского ученого П.А. Сорокина на события 1640–1660 гг. в Англии через призму авторской теории революции. Ее основные положения были сформулированы мыслителем в одном из его фундаментальных и в то же время дискуссионных трудов – «Социологии революции», изданном в 1925 г. в США. Свою схему революционного процесса, а также составные элементы теории П.А. Сорокин стремился подтвердить обилием исторических примеров, многие из которых являются обращениями к анализу опыта Английской революции XVII в. В связи с этим интерес представляет вопрос как о характеристике и оценках Английской революции через призму историко-социологических построений П.А. Сорокина, так и о том, что составило источниковедческую базу ученого при обращении к истории событий 1640–1660 гг. в Англии.

Ключевые слова: П.А. Сорокин, Английская революция XVII в., социология революции, историко-социологический подход

Для цитирования: Русанова В.А. Английская революция XVII века на страницах «Социологии революции» П.А. Сорокина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 32–42. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.32-42>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.32-42>

The English Revolution of the 17th century through the lens of P.A. Sorokin's "The Sociology of Revolution"

V.S. Rusanova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

vera.petrashun@yandex.ru

Abstract

The views of P.A. Sorokin, a renowned Russian-American scholar, on the political upheavals in England in 1640–1660 are explored in the context of his theory of revolution outlined in "The Sociology of Revolution," one of his most influential yet contentious works, published in the United States in 1925. Seeking to validate his model of the revolutionary process, P.A. Sorokin cited numerous historical examples, focusing on the English Revolution of the 17th century (English Civil War). Here, P.A. Sorokin's interpretation and evaluation of this revolutionary period in England, integrating both historical and sociological analysis, are discussed, along with the sources he drew on. The scholar argued that the English Civil War was caused by the repression of innate reflexes. As the mechanisms regulating behavior became less effective, the crisis escalated, and its second phase was marked by the terror instigated by the new government. At this point, it is important to stress that P.A. Sorokin pursued a sociological perspective rather than a purely historical one.

Keywords: P.A. Sorokin, English Civil War, sociology of revolution, historical-sociological approach

For citation: Rusanova V.S. The English Revolution of the 17th century through the lens of P.A. Sorokin's "The Sociology of Revolution". *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 32–42. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.32-42>. (In Russian)

Введение

Академик А.З. Манфред сказал об исторической науке так: «...это наука без дна» [1, с. 162]. Если переформулировать высказывание, его допустимо применять и к историческим источникам. В зависимости от задач исследования один и тот же источник может выступать неисчерпаемым кладом сведений по изучаемым проблемам. Неиссякаемым ресурсом исследовательских сюжетов является и одна из первых работ российско-американского социолога П.А. Сорокина, появившихся за рубежом, – «Социология революции». Труд этот, написанный ученым уже в эмиграции (в Чехословакии), был опубликован в Соединенных штатах Америки в 1925 г. Он сразу же получил широкий резонанс в прессе. Рецензии содержали по большей части критические оценки [2]. Тем не менее приведенный факт не снижает эвристического потенциала произведения в наши дни.

На страницах «Социологии революции» П.А. Сорокин проанализировал крупнейшие социальные потрясения, когда-либо случавшиеся в истории человечества, охватив временной период от Античности до современности (до 1922 г.), при этом изначально не ставя

перед собой такой исследовательской задачи. Для подтверждения теоретических выводов о причинах, движущих силах, этапах и результатах революции ученый обращается к опыту исследования Великой российской революции (1917–1922)¹, Великой французской революции, Парижской коммуны 1871 г. Не обходит он стороной и Английскую революцию 1640–1660 гг.

Постановка проблемы

Взгляды П.А. Сорокина на Английскую революцию XVII в. через призму его авторской концепции революции как социального явления ранее не выступали в качестве самостоятельного предмета исследования среди «сорокиноведов». Обращению к означенной проблематике отчасти способствовала проходившая в Институте истории СПбГУ в марте 2024 г. Международная научная конференция «Британский мир: опыт политического, социального и культурного развития».

К 1925 г. П.А. Сорокин утверждает во мнении, что все революции проходят в своем развитии два этапа. Первый – по восходящей линии, второй – по нисходящей (или период контрреволюции). В эту схему он укладывает и революцию XVII в. в Англии, где к первому периоду он относит 1640–1653 гг., а ко второму – протекторат О. Кромвеля 1653–1659 гг.

П.А. Сорокин стремился определить и подтвердить на широком историческом материале общие черты социальных изменений в период революций, которые одинаково переживает любое общество вне зависимости от исторического этапа. Ученый обнаруживает, что революция не продиктована экономическими и/или политическими факторами, а представляет собой прежде всего «изменение поведения членов общества, с одной стороны; их психики и идеологии, убеждений и верований, морали и оценок – с другой» [3, с. 268], то есть нарастание революционной ситуации обусловлено сменой мировоззренческих ориентиров широких слоев населения, массово переживающих ущемление базовых рефлексов (инстинктов). П.А. Сорокин писал: «Когда же условия среды изменяются так, что вызывают ущемление основных инстинктов у множества лиц, тогда мы получаем массовую дезорганизацию поведения, массовый взрыв и социальное землетрясение, носящее название бунта, мятежа, смуты, *революции*...» [3, с. 277].

Сформулированный тезис социолог раскрывает в своем труде, в том числе оценивая ущемленные базовые рефлексy англичан середины XVII столетия. Что же привело английский народ к конфронтации с монархией и ее низвержению? Что выступает в качестве маркеров нарастающего социального протеста? На эти вопросы и попытался ответить П.А. Сорокин в «Социологии революции». Рассмотрим их подробнее.

Первым сигналом приближающегося «грома революции» выступает деформация речевых рефлексов. Согласно терминологии ученого, происходит растормаживание языка. Свидетельством тому являются учащающиеся требования свободы слова, печати, собраний, сопровождающие предреволюционный и начальный периоды революции. П.А. Сорокин, ссылаясь на Ф. Гизо и С. Гардинера, отмечает, что с 1636 г. в Англии обнаруживается «небывалый урожай “растормаживающих” памфлетов, развязывается язык в парламенте и на улицах, критика смелеет, “свобода слова”, “вольнодумство” и крайние учения растут» [3, с. 297]. Он, однако, ничего не говорит по поводу закона Звездной Палаты о книгопечатании 1637 г., согласно которому, напротив, в предреволюционный период вводилась жесткая цензура,

¹ П.А. Сорокин придерживался точки зрения, согласно которой Великая российская революция (по терминологии ученого) хронологически охватывает 6 лет – с февраля 1917 г. по 1922 г.

но упоминает пуританского проповедника Бортон, приговоренного по этому закону к уплате штрафа, наказанию у позорного столба и последующему заключению за памфлет, содержащий критику привилегий католиков и распущенности королевского двора. И все же социолог прав. В течение первого периода революции происходит отмена цензуры, наблюдается рост печатной продукции, с кафедр начинают звучать политические речи. Противостояние Карла I и Парламента (а затем О. Кромвеля), вылившееся в гражданскую войну, как замечает Дж. М. Тревельян, не было войной между городом и деревней, а оценивается как «*война религиозных и государственных идей*» [4, с. 260]. Тот же тезис, что любая революция начинается с «войны идей», через анализ «речевых рефлексов» формулирует и П.А. Сорокин.

Далее по нарастающей происходит деформация реакции повиновения у масс. «В области повиновения государственным властям угасание пошло (как обычно бывает) дальше, чем хотели первые зачинщики революции и борьбы с королем», – замечает П.А. Сорокин [3, с. 314]. При этом любопытно, что не сразу, как пишет ученый, рефлекс неповиновения у масс в качестве адресата имел Карла I. По мнению П.А. Сорокина, угасание реакции повиновения начинается с отказа повиноваться «отдельным агентам государственной власти и церкви», например лорду Страффорду. В ослаблении этого рефлекса, как считал ученый, кроется стихийность любой революции. Вследствие этого второй этап революции, называемый социологом контрреволюцией, неизбежно будет содержать политику террора (массовые репрессии). Террор, по П.А. Сорокину, – это способ новой, пришедшей в ходе революции власти привить революционным массам инстинкт повиновения. Для Английской революции XVII в. периодом такой «прививки» становится протекторат О. Кромвеля.

Затем, по мере того как оковы спадают с речевых рефлексов и угасает рефлекс повиновения, происходит деформация целой группы инстинктов, которые П.А. Сорокин охарактеризовал как трудовые. Он отмечает: «Среди рефлексов человека есть особая группа “рефлексов труда”. Эти рефлексы побуждают человека совершать ряд актов, необходимых для добывания средств существования» [3, с. 319]. Тем самым общество в массе своей защищено от лени. Революция же в своей восходящей фазе, напротив, создает условия, дающие почву для роста у населения и каждого индивида в отдельности желания жить за счет труда других. Обращаясь к «Истории Английской революции» Ф. Гизо, социолог находит подтверждение данного тезиса. Он пишет: «С развитием гражданской войны “страна была жестоко поражена в своих материальных интересах. Повсеместная и беспорядочная война разоряла города и села, уничтожала насущные средства народа, разрушала его промышленность. ...Исчезла всякая безопасность в текущих запасах и в трудах для будущего”. Наряду с этим, – заключает П.А. Сорокин, – видим рост грабежей, воровства и других способов легкой наживы... Наступает падение трудовых рефлексов» [3, с. 324–325].

По мере роста стремлений получить легкую наживу у населения гаснут «религиозно-морально-правовые рефлексy» и в охваченном революционной борьбой обществе резко повышается процент преступности. «Говоря языком уголовного права, колоссально возрастают преступления против личности», – делает вывод П.А. Сорокин [3, с. 359]. Здесь, однако, можно отметить шаткость высказанного тезиса в отношении английского общества периода революции. Во-первых, ученый не приводит статистических данных или ссылок на источники, в которых бы находилось подтверждение выявленной им зависимости роста преступности от революционной ситуации. П.А. Сорокин стремится подробно разобрать обозначенный вопрос на том материале, в достоверности которого он уверен, – а именно на

оценке криминогенной ситуации в России 1917–1922 гг. После же, как бы доказав, что рост преступности находится в прямой зависимости от того факта, переживает страна революционный подъем или, напротив, мирное время, он распространяет полученные им выводы на все крупные революции прошлого, включая Английскую. Предполагаем, что изменение динамики роста преступности в период революции не имеет ярко выраженного социобиологического или рефлекторного характера, а в основе увеличения процента преступлений против личности лежат правовые изменения. Неизменным компонентом революции выступает отказ от правового опыта прошлого, новая власть стремится упразднить действие кодексов, законов предшествующей эпохи и выработать новое законодательство, отвечающее требованиям революционного времени.

К слову, отечественный криминолог, ученый-правовед, современник П.А. Сорокина М.Н. Гернет, исследуя вопрос о влиянии революции 1917 г. в России на рост преступности, пришел к выводу об отсутствии между ними прямой взаимосвязи. По его мнению, революция сама по себе не вызывает увеличения количества преступлений против личности. Первое, что отмечает М.Н. Гернет в качестве причины подобного увеличения, – рост цен на продовольственные товары, бедность, отсутствие должного уровня жизни [5, с. 26]. Второй причиной он называет «внутреннее политическое состояние» государства [5, с. 27]. Из текста «Социологии революции» следует, что П.А. Сорокин не обнаружил прямой связи между ущемлением морально-правовых рефлексов личности в годы Английской революции и ростом преступности. Однако он убежден, что указанная закономерность непременно характеризовала английское общество. Е.В. Кунц приходит к выводу, что смертная казнь, к примеру, выступала карательной мерой в Англии на протяжении всей истории страны и носила массовый характер вне зависимости от того, переживало ли общество революцию [6]. Поэтому, с нашей точки зрения, говорить с уверенностью о наличии указанной закономерности затруднительно, однако П.А. Сорокин убежден в обратном.

Деформацию рефлексов «узко-религиозных» (согласно написанию П.А. Сорокина) социолог понимает следующим образом: «Это выражается в падении авторитета религии, в ее преследовании, в росте атеизма и религиозного безразличия» [3, с. 377]. Обозначенный процесс П.А. Сорокин прослеживает накануне и на первом этапе Английской революции. К сожалению, он не раскрывает подробно, в каких действиях английского народа или отдельно взятых исторических деятелей нашло выражение снижение востребованности религии, что было бы крайне интересно, учитывая утвердившуюся в работах Н.И. Кареева и М.М. Ковалевского точку зрения о религиозной основе Английской революции XVII столетия. Редкие ссылки на их работы позволяют заключить, что П.А. Сорокин был знаком с этими исследованиями. Кроме того, М.М. Ковалевский и Н.И. Кареев – учителя П.А. Сорокина, но при этом сходства в подходах к оценке событий Английской революции между ученым и его наставниками не наблюдается.

От причин революции П.А. Сорокин переходит к определению ее итогов. В числе социально-экономических последствий он прежде всего отмечает колоссальные человеческие жертвы. «Отдельные эпизоды революции вроде поголовного избиения населения Дроггеты, Уэксфорда, избиения 100 тыс. или (по другим сведениям) 200 тыс. ирландцев в 1651 г., очевидно, в сильной степени увеличили общее число жертв революции», – читаем в «Социологии революции» [3, с. 399]. Здесь П.А. Сорокин прав. Крупные социальные кризисы (войны, революции) неизбежно сопровождаются значительным количеством человеческих жертв.

Вторым сложным социальным последствием революции становится, по П.А. Сорокину, «отрицательная селекция народа», или «отбор “шиворот-навыворот”» [3, с. 418]. Под этим явлением социолог понимает гибель выдающихся людей, революционных представителей, лучших умов своего времени. Для него неважно, какую сторону в политическом, идеологическом или религиозном плане представляли эти деятели в период Английской революции, он подчеркивает, что все они погибли именно в революционные годы. Об этом говорит следующая цитата: «Можно по-разному оценивать таких лиц, как Страффорд, Лод, Монтроз, Кэплъ, Гамильтон, Локкьер, Дерби и другие, с одной стороны, и таких как Гемпден, Блейк или сам Кромвель, быстро сгоревшие в революции, – с другой, можно порицать или хвалить наиболее выдающихся республиканцев или роялистов, но что они были незаурядными фигурами и что большинство их погибло – это не подлежит сомнению» [3, с. 418].

В-третьих, в годы революции меняются скорости изменения состава разных социальных групп, члены общества становятся более мобильными. У представителей низших сословий появляется возможность продвижения по социальной лестнице ввиду того, что жесткие в мирное время сословные барьеры ослабевают, в период революции размываются. Один и тот же член общества, как замечает П.А. Сорокин, может состоять сразу в нескольких политических организациях разной направленности или, отстаивая вначале одни убеждения, менять их по ходу наблюдаемых событий. Ученый рисует следующую картину социальной «циркуляции» во время Английской революции 1640–1660 гг.: «Первый этап ее состоял в массовом низвержении высшей аристократии (кавалеров и высшего слоя английской церковной иерархии с королем во главе) и массовом подъеме ближайших к ним слоев, раньше имевших незначительное влияние в командующих классах. Второй этап – в сползании этих слоев вниз и в возвышении “средних и частью низших классов во главе с Кромвелем”. <...> Протекторат Кромвеля, роспуск Долгого парламента, уничтожение палаты лордов и т. д. – вот основные вехи, указывающие на этот второй “обвал”. За ним начался третий, в виде многочисленных попыток еще более низких слоев² свалить власть Кромвеля и средних слоев, на которые он опирался. Но этот «взрыв» был подавлен Кромвелем, в 1653–1656 гг. резко выступившим против них. С конца его протектората начинается обратная циркуляция, выразившаяся в резком разрыве Кромвеля с крайними группами, представлявшими интересы низов³, в разгоне Бербонского парламента, в заигрывании со слоями более высокими, в привлечении их в командующие классы» [3, с. 433]. Здесь мы неслучайно приводим обширную цитату из «Социологии революции». В ней, по сути, П.А. Сорокин заключает мысль о том, что движение масс в период революции имеет циклический характер, итогом чего становится возвращение в конце революции всех социальных групп на свои места в социальной иерархии. Собственно такая форма циркуляции масс неизбежно приводит к реставрации прежних порядков, что, по мнению ученого, и наблюдалось в Англии в 1660 г.

Анализ движения масс, особенности их социальной мобильности, как видно из текста исследования, привлекали П.А. Сорокина. Рассуждая по этому поводу, он стремился определить «механизмы распределения и отбора индивидов в период революции», понять, какими характеристиками должен обладать человек, чтобы в революционное время очутиться у власти. Ученый пытался ответить на вопрос, почему революция часто меняет своих лиде-

² К ним П.А. Сорокин относит миллениариев, мистиков, диггеров.

³ П.А. Сорокин отсылает к речи О. Кромвеля в парламенте 22 января 1655 г.

ров. Для этого он рассматривает психологические типы лидеров, характерные для первого и второго этапов революции.

«Так как основная задача первого периода революции заключается в разрушении, а основная деятельность – в борьбе... то в этот период на первые роли неизбежно выступают энергичные люди с доминирующими разрушительными, а не созидательными импульсами ...люди “одной идеи”», – размышляет социолог [3, с. 454]. Второй же, нисходящий период революции неизбежно поднимает наверх «людей оружия», военных, способных подавить революцию. Как уже было отмечено выше, в качестве умиротворяющих мер «люди оружия» применяют террор, насилие. «Так как, с другой стороны, революция – это война, то, как и всякая война, она не может не выдвигать в первые ряды профессионалов своего дела» [3, с. 455]. К этому психологическому типу вождей революции П.А. Сорокин без колебаний относит О. Кромвеля. Предвосхищая вопросы своих читателей о деятелях, которые закрепляются у власти с началом революции и сохраняют власть в своих руках на этапе контрреволюции, продолжая представлять правящий класс и дальше в мирное время, П.А. Сорокин определяет третий психологический тип – «циники-комбинаторы». Он дает ему следующие характеристики: «...циники – крупные жулики, держащие нос по ветру, хорошо чующие погоду, готовые переменить свои убеждения и взгляды в любой нужный момент, не признающие ничего святого, кроме собственного благополучия» [3, с. 455]. В истории Английской революции такими качествами, по его мнению, обладали Генри Милдмей и М. Уитейкер, о которых в целом нельзя сказать, что они занимали видное положение в правительстве Карла I или О. Кромвеля. Самыми же опасными политиками П.А. Сорокину представляются люди первого типа, стремящиеся все политические решения оправдать революционной идеей. «Революционный и контрреволюционный фанатизм страшнее цинизма», – делает вывод ученый. Однако таких фанатиков в истории Английской революции он не находит.

Продолжая исследовать изменения социальной структуры общества в годы революции, П.А. Сорокин выдвигает тезис о том, что неизбежным в это время становится вмешательство государства во все сферы жизни социума. Деятельность всего населения подчиняется нуждам государства, строительство нового государства выступает в качестве конечной цели общественного развития. Подобный процесс П.А. Сорокин определил как «этатический деспотизм», рост которого неизбежен в период революции по двум причинам: «1) война; 2) усиление голода и нищеты масс при наличии имущественной дифференциации» [3, с. 467]. Ввиду усиления действия данных факторов власти ничего не остается, кроме как расширить свои функции в деле перераспределения ресурсов, главным образом продовольствия; ввести чрезвычайные меры, отвечающие требованиям революционного времени, что было характерно для Английской революции 1640–1660 гг., как для любой другой революции Нового и Новейшего времени. П.А. Сорокин подтверждает приведенный тезис цитатой из Ф. Гизо: «Доказательством тому служат: 1) произвольные массовые конфискации, производившиеся революционным правительством и достигшие в Ирландии колоссальных размеров; 2) усиленная борьба с торговцами на почве борьбы с голодом: таксация цен, платы прибылей, и регулировка обмена и распределения; 3) произвольное налогообложение, взимание штрафов и пени; 4) принудительные займы у City и богачей; 5) ряд монополий, введенных правительством» [3, с. 469], – все это усиливало государственное присутствие в экономике Англии.

П.А. Сорокин не оригинален в оценке экономической ситуации в годы Английской революции. Он отмечает, что политическая борьба приводит к падению темпов производства в стране, на фоне чего происходит размывание имущественной дифференциации. Имушие слои населения теряют свои средства, тем самым революция ведет «к равенству в нищете». Собственно экономика переживает в период революции глубокий кризис. Социолог здесь опирается не только на «Историю Английской революции» Ф. Гизо; он, привлекая работы М.М. Ковалевского и Э. Бернштейна, рисует следующую картину состояния экономики Англии: «Гражданская война и рост армии пожирала доходы страны, расстраивали промышленность, торговлю, финансы, усиливали нужду и голод. Финансы республиканской власти находились в плачевном состоянии. ...Доходы резко сократились. Отсюда – постоянный громадный дефицит. А потому: рост налогов, конфискация имуществ и богатств, акцизы, вплоть до продажи картин и даже сборов для пополнения казны. В связи с этим – расстройство народного хозяйства, общее обеднение, голод (1649 и др. гг.) и нужда» [3, с. 482].

Справедливым будет утверждение о том, что финансовый кризис в Англии начался гораздо раньше разгоревшейся революции. Более того, вопрос налогообложения и введения иных видов сборов с английского народа находит отражение в «Петиции о праве» [7], согласно тексту которой король не мог без согласия парламента принуждать поданных к выплате налогов и иных видов денежных пожертвований в пользу короны. По мнению Н.И. Кареева, непопулярная налоговая политика Карла I лишь приближала Англию к революции. Добавившиеся к этому религиозные разногласия между короной и буржуазией привели к ужесточению цензуры и введению карательной политики в стране, на реализацию которой требовались дополнительные средства, чем, собственно, и были вызваны волнения в парламенте 1640 г. [8].

Кроме ухудшения социально-экономического и политического состояния общества революция, согласно П.А. Сорокину, оказывает негативное влияние и на культуру. Изменения в духовной сфере общества, его психологии ярче всего проявляются через образование. Именно система просвещения, как считал П.А. Сорокин, претерпевает в революционное время сильнейшие трансформации. Здесь же ученый аплодирует революции, которая на практике разбивает теоретические взгляды ее идеологов. В остальном же она сказывается на духовной жизни населения отрицательно. Успех антимонархической идеологии первого периода Английской революции обусловлен, согласно П.А. Сорокину, рефлекторными импульсами у масс, направленными на освобождение от институтов и лиц, которые создают в стране условия, ущемляющие базовые потребности людей. Потому «памфлеты Пейна, Бортонна, Бествика, Лильберна, идеологии левеллеров и индепендентов, бичевавшие ущемляющие условия того времени (Епископальную церковь, Звездную палату, короля и т. д.)» [3, с. 497], имели колоссальный успех в первый период революции. Но затем республиканские идеи разбиваются о революционный опыт масс, и на смену им приходят идеи государства как объединяющей, основополагающей силы. «“Левиафан” Гоббса приходит на место идеологий, отрицающих государство...», – подчеркивает П.А. Сорокин [3, с. 499].

В пятом очерке своего труда социолог предпринял попытку развенчать политические, экономические и иные «обещания» революции, дабы наглядно показать читателям, что требования, выдвигаемые революционными массами и транслируемые лидерами революции, никогда не исполняются, если последние приходят к власти. Здесь Английская революция оценивается по аналогии с Великой французской революцией, «лист обещаний и исполнений» которой приведен в «Социологии революции» подробно. По поводу реализации иде-

ологических, политических и религиозных требований английского народа ученый писал: «То же самое [что и в годы Великой французской революции] происходило во время английской революции. Революционеры обещали свободу, а на деле дали тиранию. Они обещали соединение и торжество протестантизма, а вместо того вели войну с протестантской страной. <...> Мудрено ли поэтому, что вместо провозглашенной республики, уничтожения королевской власти и палаты лордов монархия явилась снова, палата лордов – тоже, а республика погибла бесславно» [3, с. 510].

Заключение

На основании всего вышеперечисленного П.А. Сорокин приходит к выводу, что Английская революция 1640–1660 гг., как предшествующие и последующие революции, не содержала в себе никаких созидательных начал. Она не внесла существенных изменений в социальную организацию английского общества, не трансформировала государственного устройства, практически не нашла выражения в духовной сфере. Более того, в ходе революции механизмы, контролирующие поведение индивида, ослабевают, а ущемление основных человеческих инстинктов приводит к усугублению революционной ситуации. Интересно, что П.А. Сорокин приходит к парадоксальному выводу о том, что, хотя революции и бессмысленны, они неизбежны. «Но, спросят меня, если революция, вызванная ущемлением инстинктов, сама еще сильнее ущемляет их, то чем же и как же разрешается этот тупик? <...> Он не разрешает, а разрубается...» [3, с. 589], и «разрубает» его революция.

В завершение кратко остановимся на «источниковой базе» исследования Английской революции 1640–1660 гг., предложенной П.А. Сорокиным. Данное понятие не случайно берется в кавычки. В «Социологии революции», как и в других историко-социологических работах ученого, оно носит условный характер и представлено не документами эпохи, а трудами историков, посвященными этим событиям. Оформленный библиографический аппарат «Социологии революции» позволяет установить, что в качестве исторических источников для анализа Английской революции П.А. Сорокин взял следующие работы: «Историю Английской революции» Ф. Гизо, «Историю содружества и протектората» С. Гардинера, «От прямого народоправства к представительному» и «Экономический рост Европы» М.М. Ковалевского, «Коммунистические и демократо-социалистические течения Английской революции XVII в.» Э. Бернштейна, а также однократно приводилась ссылка на четвертый том «Истории Западной Европы» Н.И. Кареева. Учитывая, что предпочтение при апробации своих выводов П.А. Сорокин отдавал работе Франсуа Гизо, то и тезаурус при изложении взглядов на Английскую революцию у социолога преимущественно французский. Отметим, что взгляд П.А. Сорокина на Английскую революцию сложно отнести к торийской или вигской традиции, но, по нашему мнению, этого и не требуется.

Таким образом, Английская революция XVII в. представлена на страницах «Социологии революции» П.А. Сорокина как социальный процесс, имеющий свои закономерности. Ученый обращается к анализу английских событий 1640–1660 гг. скорее не с позиции историка, а с позиции социолога. Вследствие этого он не углубляется в некоторые вопросы (например, развитие экономики в Англии XVII в.) и, игнорируя их, делает подчас поверхностные обобщения.

Заслуга П.А. Сорокина не в том, что он смог изложить события Английской революции в хронологической последовательности, дать ей историческое описание, интерпретировать

их, а в том, что на стыке социологической и исторической науки он сумел выявить механизмы действия революции, определить психологическое состояние масс и попытался найти первопричину тех политических, экономических, социальных требований, которые чаще всего представлены в исторической литературе как основные причины революции. Добавим, что предложенный П.А. Сорокиным алгоритм изучения революций в истории позволяет поставить два проблемных вопроса, требующих дополнительной разработки: первый касается наличия общих черт в каждом качественно сходном уникальном историческом событии (явлении); второй – методологический, связанный с обоснованием и выработкой практики применения социологического подхода в истории.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Литература

1. Оболенская С.В. Человек, обладавший даром привлекать сердца [к 75-летию Манфреда] // Французский ежегодник. 1981. М.: Наука, 1983. С. 158–166.
2. Русанова В.С. «Социология революции» П.А. Сорокина в оценках современников // Изв. вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 2 (54). С. 32–39. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2020-2-4>.
3. Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2015. 848 с.
4. Треvelyan Д.М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2001. 614 с.
5. Гернет М.Н. Революция, рост преступности и смертная казнь. М: Начало, 1917. 30 с.
6. Кунц Е.В. Из истории смертной казни в Великобритании // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15 (1–4), № 3. С. 287–291. [https://doi.org/10.33463/2687-122X.2020.15\(1-4\).3.287-291](https://doi.org/10.33463/2687-122X.2020.15(1-4).3.287-291).
7. Петиция о праве 1628 г. // Законодательство Английской революции 1640–1660 гг. / Отв. ред. Е.А. Косминский. М.-Л: Изд-во АН СССР, 1946. С. 21–24.
8. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время: в 7 т. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича. Т. II, 1904. 625 с.

References

1. Obolenskaya S.V. A man with a gift of inspiring hearts [Celebrating the 75th Anniversary of Manfred]. In: *Frantsuzskii ezhegodnik. 1981* [French Yearbook. 1981]. Moscow, Nauka, 1983, pp. 158–166. (In Russian)
2. Rusanova V.S. “The Sociology of Revolution” by P.A. Sorokin in the reviews by contemporaries. *Izvestiya Vuzov. Povolzhskii Region. Gumanitarnye Nauki*, 2020, no. 2 (54), pp. 32–39. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2020-2-4>. (In Russian)
3. Sorokin P.A. *Listki iz russkogo dnevnika. Sotsiologiya revolyutsii* [Leaves from a Russian Diary. The Sociology of Revolution]. Syktyvkar, Anbur, 2015. 848 p. (In Russian)
4. Trevelyan G.M. *Istoriya Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii* [English Social History: A Survey of Six Centuries, Chaucer to Queen Victoria]. Smolensk, Rusich, 2001. 614 p. (In Russian)
5. Gernet M.N. *Revolutsiya, rost prestupnosti i smertnaya kazn'* [The Revolution, Rising Crime, and the Death Penalty]. Moscow, Nachalo, 1917. 30 p. (In Russian)
6. Kunts E.V. A history of the death penalty in Great Britain. *Ugolovno-Iсполnitel'noe Pravo*, 2020, vol. 15 (1–4), no. 3, pp. 287–291. [https://doi.org/10.33463/2687-122X.2020.15\(1-4\).3.287-291](https://doi.org/10.33463/2687-122X.2020.15(1-4).3.287-291). (In Russian)

7. The Petition of Right, 1628. In: Kosminsky E.A. (Ed.) *Zakonodatel'stvo Angliiskoi revolyutsii 1640–1660 gg.* [Legislation of the English Revolution, 1640–1660]. Moscow, Leningrad, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1946, pp. 21–24. (In Russian)
8. Kareev N.I. *Istoriya Zapadnoi Evropy v Novoe vremya* [History of Western Europe in Modern Times]. Vol. II. St. Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha, 1904. 625 p. (In Russian)

Информация об авторах

Русанова Вера Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

E-mail: vera.petrashun@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9842-9184>

Author Information

Vera S. Rusanova, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of History of Russia and Foreign Countries, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

E-mail: vera.petrashun@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9842-9184>

Поступила в редакцию 20.06.2024

Принята к публикации 19.12.2024

Received June 20, 2024

Accepted December 19, 2024